

Иеремия Бентам

**Тактика законодательных
собраний**

«Public Domain»

1791

Бентам И.

Тактика законодательных собраний / И. Бентам — «Public Domain», 1791

Тактика законодательных собраний Иеремии Бентама – классическое сочинение, ставшее в культурных странах начальным учебником и настольным руководством к действию для государственных деятелей. Идеи Бентама в настоящее время почти всецело воплощены в жизнь цивилизованных народов, и английские порядки, изложенные в «Тактике», легли в основу программных документов всех парламентов мира; но он писал в то время, когда парламентское устройство, и притом весьма несовершенное, существовало лишь в Англии и только зарождалось во Франции. Поэтому его мысли, выраженные с такой гениальной простотой и убедительной логикой, могут показаться ходячими истинами, а тон его изложения, вероятно, многих поразит своим простодушием

Содержание

От издателя	5
Глава I	6
Глава II	7
II. О постоянных корпусах	8
Глава III	9
I. Оправдательные доводы	10
II. Возражения	14
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Иеремия Бентам

Тактика законодательных собраний

От издателя

Тактика законодательных собраний Иеремии Бентама – классическое сочинение, ставшее в культурных странах начальным учебником и настольным руководством к действию для государственных деятелей. Идеи Бентама в настоящее время почти всецело воплощены в жизнь цивилизованных народов, и английские порядки, изложенные в «Тактике», легли в основу программных документов всех парламентов мира; но он писал в то время, когда парламентское устройство, и притом весьма несовершенное, существовало лишь в Англии и только зарождалось во Франции. Поэтому его мысли, выраженные с такой гениальной простотой и убедительной логикой, могут показаться ходячими истинами, а тон его изложения, вероятно, многих поразит своим простодушием.

Мы переживаем теперь в России тот же бурный период поиска лучших форм государственности, но с той разницей, что технику политического устройства мы имеем возможность заимствовать у других народов как результат умственной работы целых поколений и многолетней исторической борьбы. Тот безусловный факт, что на известной ступени развития народы всего мира от патриархального уклада государственности переходят к организованному народному представительству, к сожалению, еще не стал несомненным для многих русских людей; еще многим не ясно, что великому народу можно вступать в культурное соревнование с соседями только во всеоружии усовершенствованной техники в сферах экономической, государственной и общественной. В России еще господствует такое невежество в области политических знаний, а своекорыстными сторонниками старого режима и партиями крайнего толка внесено в общественное мнение такое множество софизмов и превратных мыслей, что труд Бентама, полный здравого смысла, должен принести свою долю пользы. Он обеспечит необразованных людей ценными знаниями, он укрепит в колеблющихся веру в приемлемость и необходимость для России конституционных начал, он даст, наконец, опытным и просвещенным деятелям немало полезных указаний.

Вот чем я руководствовался при издании в эпоху трудных родов русской парламентской жизни перевода сочинения одного из лучших представителей классической страны свободы.

Глава I [Вводная]

Слово *тактика*, заимствованное из греческого и общеизвестное в применении к военному делу, обозначает, собственно, *искусство приводить в порядок*. Оно может быть отнесено к искусству руководить операциями политического корпуса так же, как и к умению управлять действиями армии.

Под порядком здесь подразумевается *цель*. Следовательно, тактика политических собраний есть наука, которая учит вести собрания к цели их учреждения посредством соблюдения порядка в их действиях. В этой отрасли управления, как и во многих других, цель имеет, так сказать, пассивный характер. Для достижения ее следует избегать неудобств и предусматривать возможность затруднений, которые являются в каждом многочисленном собрании, призванном для совместных совещаний.

Искусство законодателя ограничивается устранением всего способного вредить свободному и планомерному выполнению функций собраний. Польза или вред, приносимые собранием, зависят от двух главных условий. Наиболее существенное из них – *состав собрания*, затем его *способ действий*. Предметом данного сочинения является главным образом способ действий политических собраний.

Состав собрания, количество и качество его членов, способ их избрания, а также отношение членов собрания к народу и государству – все это принадлежит уже к области политического устройства. По поводу этих вопросов первостепенной важности я укажу лишь на то, что состав законодательного собрания будет наилучшим при наибольшем количестве точек соприкосновения с народом, т. е. в том случае, когда его интересы будут наиболее соответствовать интересам общим^[1].

В трактате о тактике предполагается, что собрание уже сформировано и надлежит лишь выяснить наилучшие способы его работы. Впрочем, некоторые пункты являются спорными, и неизвестно, следует ли отнести их к организации или к тактике. К таким относятся, например, следующие вопросы: должны ли все члены иметь одинаковые права, или следует распределить их между ними таким образом, чтобы одни имели право предлагать вопросы на обсуждение, а другие – лишь право выражать свое мнение по поводу уже сделанного предложения; следует ли предоставить одним право совещаться без голосования, а другим – голосовать без совещания; нужна ли публичность совещаний; может ли быть позволено членам отсутствовать, и в случае их отсутствия могут ли права одного передаваться другому; должно ли собрание оставаться единым, или ему может быть разрешено подразделяться. Эти вопросы вошли в содержание моего труда, так как мне кажется, что их рассмотрение тесно связано с правилами тактики.

Глава II

О политических корпусах

Образное выражение «*политический корпус*» породило значительное число превратных представлений. Аналогия, построенная исключительно на метафорах, послужила основанием для мнимых аргументов; поэзия овладела областью рассудка.

Собрание лиц уже вследствие одного того, что они сошлись для совместного действия, образует в некотором смысле корпус, но под корпусом не всегда подразумевается *собрание*, так как несколько лиц могут заявить о своем участии в том или другом действии, не сходясь вместе, например посредством подписания того же самого документа. В Англии нет ничего обычнее *петиций*, адресованных к парламенту со стороны сотен и тысяч лиц, отдельно подписавших их, но не образующих никакого собрания.

Корпус может существовать постоянно или же создаваться для определенного случая и иметь лишь кратковременное значение, как, например, английское *жюри*. У одного корпуса может быть неограниченный состав, у другого – определенное число членов. Один корпус может иметь привилегии, у другого их может не быть. К привилегированным корпусам относятся те, члены коих, действуя совместно, по известному порядку, получили права, не присвоенные другим гражданам. Обыкновенно под *политическими корпусами* подразумевают привилегированные корпуса, которые как таковые носят более или менее постоянный, а часто и вечный характер и состоят из ограниченного числа членов.

Корпус может быть простым и сложным. Британский парламент, например, сложный корпус, состоящий из двух отдельных собраний и верховного главы государства. Легко понять, что из среды уже образовавшегося большого корпуса могут на время выделяться менее значительные корпуса: это есть то, что называется комитетами. Деятельность политического корпуса состоит в *совместном совершении несколькими его членами того же самого действия*. Из этого видно, что действие собрания может быть только действием, выражающим *мнение* или *волю*.

Всякое действие собрания берет начало в действии отдельной личности, но всякий акт изъяснения мнения или воли, начинаясь с личности, может стать действием корпуса. «Вот, – говорит Тиций, – что происходит в моем уме». Но Семпроний, со своей стороны, может сказать: «Это именно то, что происходит в моем».

Принцип единства корпуса заключается, таким образом, в возможности совместного совершения многими людьми того же умственного процесса.^[2]

II. О постоянных корпусах

Постоянный политический корпус есть собрание людей, предназначенное для совершения ряда действий, касающихся предмета его учреждения. Эти действия будут действиями всех, если они предприняты единогласно; но так как невозможно требовать, чтобы в большом собрании существовало полное и постоянное согласие, то решено действию большинства придать то же значение, что и действию всех членов собрания. Историческим опытом вполне доказано, что мнения всех членов собрания постоянно совпадать не могут. Такая форма правления, при которой законодательное собрание подчинено принципу единогласного решения, настолько явно нецелесообразна, что не будь примера Польши, нельзя было бы даже и поверить, что подобная мысль может зародиться в человеческом уме; но пример Польши также доказывает, что если и возможно издать подобный закон, то он или невыполним, или же вызывает самую ужасную анархию.

Естественно, что при поручении какого-либо дела собранию желательнее всего достичь единогласного мнения всех его членов, но так как такое единогласие почти невозможно, то приходится мириться с тем, что ближе всего к нему подходит, то есть удовлетворяться мнением простого большинства.

Если окажется, что число голосов одинаково на обеих сторонах, то решения нет, так как одно мнение уничтожает другое; в таком случае положение вещей должно остаться прежним, и нет основания предоставить одной из сторон решающий голос.

Я до сих пор ничего не сказал об отлучках, которые постоянно изменяют состав собрания. Что сказать о мнении, которое не высказано? Оно не принадлежит ни той, ни другой стороне и потому не может быть принято в расчет. Считать решение собрания ничтожным на том лишь основании, что некоторые из его членов отсутствовали, было бы равносильно признанию того, что они высказались в пользу меньшинства, а этого на самом деле не было. При подсчете голосов истинное значение мнения отсутствовавшего с точки зрения математики выражается формулой – *единица минус единица*, что равно нулю. Рассматривать его как целую единицу было бы ошибочно.

Но разве необходимо для собрания всегда постановить известное решение? Конечно, нет: есть много случаев, когда слишком опасно позволить небольшой части собрания действовать самостоятельно. Предпочтительнее совсем не иметь решения, чем получить такое, которое бы не опиралось на большинство всех голосов собрания. Поэтому необходимо установить заранее, при наличии какого именно числа членов решения собрания считаются законными.

Я здесь только затрагиваю этот важный вопрос, который будет подробно рассмотрен в другой главе. Теперь же достаточно отметить, что обычная формула – «таково решение собрания» – не имеет абсолютного значения. При постоянном изменении численного состава собрания общим признаком решений может быть лишь их законная сила.

Глава III

О гласности

Прежде чем останавливаться на деталях делопроизводства собрания, поставим во главе его регламента правило, наиболее способное гарантировать доверие к нему общества и вести к достижению самой цели его учреждения.

Это правило – гласность.

Обсуждение этого вопроса разделим на шесть частей: 1) оправдательные доводы; 2) рассмотрение возражений; 3) область распространения гласности; 4) исключения; 5) средства к достижению гласности и 6) замечания относительно английской практики.

I. Оправдательные доводы

Первое преимущество гласности состоит в том, что *она удерживает членов собрания в границах долга*. Чем более связано осуществление политической власти со всевозможными искушениями, тем желательнее создать мотивы, которые бы побуждали облеченных полномочиями сопротивляться этим искушениям. Подобным мотивом – мотивом постоянным и всеобъемлющим – может служить контроль публики.

Публика в целом представляет собой не что иное, как суд, и притом суд более действенный, чем все суды вместе взятые. Можно притвориться, что презираешь приговоры такого суда, можно видеть в нем шаткие и противоречивые мнения, но всякий сознает, что этот суд хотя и может заблуждаться, но по крайней мере он неподкупен; он беспрестанно стремится совершенствоваться; он содержит всю мудрость и справедливость нации и, наконец, именно он решает судьбу общественных деятелей: избежать налагаемых им наказаний немислимо. Те, кто недоволен его приговором, в сущности апеллируют к нему же самому, и добродетельный человек, сопротивляясь господствующему мнению, поднимаясь выше всеобщего ропота, все-таки поневоле считает и взвешивает голоса людей, согласных с ним. Если бы была возможность избежать такого суда, то пожелать этого не мог бы ни добродетельный человек, ни просвещенный деятель, так как в конце концов им нечего бояться суда и они могут ожидать от него только хорошего.

Враги гласности делятся на три группы: преступники, желающие скрыться от взоров судьи, деспоты в своем стремлении задушить общественное мнение, голос которого им страшен, наконец, робкие и ленивые, которые обвиняют в неспособности других для того, чтобы скрыть свою собственную. Скажут, пожалуй, что собрание, в особенности же многочисленное, уже составляет собой публику, которая имеет сдерживающее начало сама в себе. Я отвечу, что собрание, как бы оно ни было многочисленно, никогда не достигает достаточного размера, чтобы в отношении гласности заменить настоящую публику.

Оно всегда будет разделено на две партии, которые по отношению друг к другу не находятся в положении судей: им не хватает беспристрастия. Каково бы ни было поведение человека, он почти всегда может быть уверен в поддержке одних и вражде других. Внутренняя цензура без содействия внешней неспособна гарантировать честности. Упреков друзей редко опасаются, к порицанию же врагов по большей части относятся равнодушно. Дух партий, заключенный в узкие границы, искажает одинаково как порицание, так и похвалу.

Второе преимущество гласности состоит в том, что *она гарантирует доверие народа и его согласие на законодательные мероприятия*.

Тайна всегда порождает подозрение. Люди склонны видеть преступление там, где замечают неестественную таинственность, причем при этом редко ошибаются, ибо для чего же скрываться, как не из боязни быть уличенным. Если бесчестные намеренно окружают себя тайной, то невинные, наоборот, предпочитают действовать на виду из боязни быть принятыми за первых. Эта очевидная сама по себе истина, естественно, усваивается народом. Распространению ее способствует если не здравый смысл, то негодование. Наилучший законопроект, подготовленный в тайне, возбудит при известных обстоятельствах больше недоверия, чем наихудший, при наличии гласного обсуждения. Наконец, сколько преимуществ для самих администраторов в открытой и честной политике!

Поставьте себя в положение, исключаяющее возможность действовать во вред народу; докажите ему, что с вашей стороны обман немислим, и тем самым вы отвратите от себя орудия недовольства, которые бы могли обратиться против вас. Общество возвратит вам с лихвой доверие, оказанное ему вами. Клевета потеряет свое значение, ибо ее вредное влияние проявляется в подполье и гибнет при свете дня.

Я не оспариваю, что политика, окруженная таинственностью, подчас тем самым избегает кое-каких неудобств, но и сомневаюсь, чтобы она, в общем, была более выгодна: из двух правительств, действующих одно секретно, а другое гласно, последнее несомненно будет обладать большей силой, смелостью и лучшей репутацией, благодаря чему оно превзойдет первое со всеми его утаиваниями. В частности, взвесьте, насколько публичное рассмотрение законов, мер, налогов, образа действий государственных деятелей должно действовать в пользу правительства. Возражения гласно отражены, лживая молва обнаружена, необходимость жертв, требуемых от народа, полностью выяснена. Оппозиция всеми своими усилиями не только не вредит авторитету власти, но даже служит ей опорой. В этом смысле можно сказать, что сопротивление укрепляет, поскольку правительство в большей степени может быть уверено в успехе мероприятия и в одобрении общества после того, как враждебные друг другу партии сразились, свидетельницей чего была вся нация.

У народа, имевшего в течение продолжительного времени публичные собрания, здоровые идеи получают большее распространение, а вредные предрассудки, публично оспариваемые не риториками, но государственными людьми, перестают распространяться. Даже низшие классы приучаются остерегаться шарлатанства демагогов и иллюзий обманщиков.

Одновременно возрастет уважение к настоящим талантам, и праздное остроумие получит достойную оценку. В силу привычки к общественной борьбе люди научатся проявлять терпимость по отношению к страстям ближних и перестанут относиться к ним с той болезненной чувствительностью, которая создает у народов, лишенных свободы и опыта, чрезмерную подозрительность и склонность к постоянным тревогам. Даже при тех обстоятельствах, когда недовольство выражается с наибольшей силой, эти признаки беспокойства не являются предвестниками возмущения. Нация опирается на лиц, известных ей по их предыдущей деятельности и пользующихся ее доверием, и законная оппозиция, выступающая против всякой непопулярной меры, предупреждает самое появление идеи о насильственном сопротивлении. Даже если какая-либо сильная партия действует против воли народа, нет основания отчаиваться, так как дело еще не проиграно, есть возможность бороться и измерять успехи, достигнутые в этой борьбе.

Добавим, что предусмотрительное терпение является одним из главных достоинств свободного народа. Самый порядок, который царит в прениях политического собрания, создает посредством подражания национальный дух. Та же стройность заседаний воспроизводится в клубах и сходках, где народ приветствует порядок, привычный для него в политических собраниях. Разве в Лондоне в самый разгар беспорядков известные ораторы не привлекали то же внимание, что и в парламенте? Не окружала ли их толпа, не слушала ли их в полном молчании и не вела ли себя с той умеренностью, какая не встречается даже в деспотических государствах, где чернь то требовательная, то боязливая, одинаково презренна как в мятеже, так и в подчинении?

Тем не менее, принцип гласности, еще новый и очень не твердый, не проведенный в законах, не успел принести той пользы, которая должна была от него последовать. Вспомним возмущения; часто их единственной причиной была поспешность, с которой действовали, не потрудившись предварительно разъяснить дело народу. Подобно тому как управляемым важно знать образ действий правителей, так и последним необходимо ознакомиться с действительной волей первых.

При гласном правлении это достигается без труда. Стоит только дать возможность народу составить разумное мнение, и последнее сразу ярко проявится; а можно ли что-нибудь знать достоверно при отсутствии гласности: народ в этом случае идет своим путем, рассуждая обо всем, но он судит о вещах без всяких данных или даже пользуется неверными данными; его мнение, не основанное на знании дела, было бы другим, если бы опиралось на истину. Не следует думать, что правительство может по своему усмотрению рассеять ошибки, которые ему

было бы легко предупредить, позднее разъяснение не всегда исправляет первое ошибочное впечатление. Народ по тому немногому, что до него доходит из какого-либо проекта, составляет о нем негативное мнение, если даже оно необосновано, народ все-таки волнуется, ропщет; постепенно растут опасения и зреет сопротивление. Даже если администрация заговорит, раскроет правду, настроение не изменится, так как доверие – дело времени. Гнусные обвинения останутся, объяснения, даваемые по необходимости, сочтутся признаком слабости. Даже добрые дела терпят крах, когда они неумело предприняты и затрагивают народные интересы. История Иосифа II богата примерами такого рода ошибок.

Третье преимущество гласности заключается в том, что *она дает возможность избирателям действовать сознательно.*

Возобновление состава собрания не имеет никакого смысла, если народ всегда вынужден выбирать лиц, о деятельности которых он не имел возможности составить мнение. Скрывать от публики образ действий уполномоченных – значит, соединять непоследовательность с вероломством. Это равносильно следующему заявлению доверителям: «Вы наберете одних и забаллотируете других депутатов, не зная, на основании чего вы действуете. Рассуждать вам запрещено. Вашим стимулом при осуществлении важнейшего из ваших прав будет случай или произвол».

Четвертое преимущество гласности заключается в том, что *она дает возможность собранию пользоваться знаниями всего общества.*

Народ слишком многочислен, чтобы действовать самостоятельно, и потому вынужден передавать свои полномочия депутатам; но вопрос в том, будет ли в этом собрании сосредоточен весь национальный ум? Будут ли эти выборные во всех отношениях самыми просвещенными, самыми способными, самыми мудрыми из всей нации? Будут ли они владеть общими знаниями и местными сведениями, необходимыми для законодателей? Вряд ли, ибо такой результат выборов не что иное, как мечта. В спокойное время богатство и высокое положение служат обстоятельствами, наиболее способствующими избранию. Люди же, которые по социальному положению культивируют свой ум, редко имеют возможность сделать политическую карьеру. Локк, Ньютон, Юм, Адам Смит и многие другие гениальные люди никогда не заседали в парламенте. А между тем самые благие идеи всегда возникали в умах отдельных личностей. Мероприятие, которое характеризует деятельность Питта: образования фонда погашения государственного долга, было, как известно, результатом расчетов доктора Прейса, который едва ли имел бы время провести такого рода исследование, если бы занялся политической деятельностью. Единственный человек, который правильно смотрел на конфликт с Американскими колониями и избавил бы нацию от войны, если бы внял его советам, принадлежал к сословию духовенства и вследствие этого не мог принимать участия в народном представительстве¹.

Даже не вдаваясь в подробности, можно сразу заметить, что гласность является верным способом для использования просвещенности всей нации и способствует возникновению полезных мыслей. Найдут, пожалуй, что я удаляюсь от научной стороны предмета, если я поставлю в число прочих преимуществ гласности *развлечение, которое она доставляет*; я подразумеваю развлечение само по себе, независимо от поучения, хотя, собственно, нельзя отделить одно от другого. Тот, кто посмотрит на это соображение как на легкомысленное, будет не прав. Полезным называется то, что обещает благо. Развлечение само по себе – осуществленное благо, и этот род удовольствия, в частности мне, представляется достаточным для того, чтобы сделать нации, пользующиеся им, гораздо счастливее тех, которым оно не известно. Мемуары – наиболее интересный и распространенный вид французской литературы, но они не следуют непосредственно за событиями и не являются всеобщим достоянием. Английские же газеты

¹ 1. Декан Тэкер. 2. 26 февраля 1688 года, 21 ноября 1689 года, 2 апреля 1690 года, 31 октября 1705 года, 15 ноября 1705 года, 26 Января 1709 года, 16 Марта 1719 года.

– настоящие мемуары, опубликованные в то самое время, когда происходят события: в них можно найти содержание парламентских прений, сведения о главных политических деятелях, причем все события в них свободно излагаются и все мнения обсуждаются свободно. Какой-то император предложил премию тому, кто выдумает новое развлечение. По моему мнению, больше всех ее заслуживает тот, кто первый сделал всеобщим достоянием труды законодательного собрания.

II. Возражения

Если действие гласности благоприятно во многих отношениях для самих правителей, так как она служит гарантией от несправедливости общества и вознаграждает правительство за его труды, чем же объяснить то враждебное отношение к гласности, которое так часто с их стороны проявляется? Неужели нужно искать причину этого в пороках правителей, в желании править без ответственности, действовать без надзора, обманывать народ и поработать его, пользуясь его же невежеством? Может быть, такие мотивы и не чужды некоторым из них, но только одна сатира может приписывать их всем. Скорее надо искать причину враждебного отношения к гласности в добросовестных ошибках, основанных на тех возражениях, которым мы постараемся дать ниже надлежащую оценку.

Первое возражение: «Публика не является компетентным судьей действий политического собрания ввиду непонимания этого дела и пристрастного отношения к нему большинства». Если я соглашусь признать, что в массе публики нет ни одного человека из ста, способного иметь правильное суждение по вопросам, разбираемым в политическом собрании, меня, конечно, не обвинят в том, что я лишаю силы подобное возражение, а между тем даже при таком предположении оно мне представляется бессильным аргументом против гласности.

Это возражение имело бы некоторый смысл, если бы мы, отнимая у народного суда возможность судить правильно, тем самым отняли бы у него всякое желание судить; но публика судит и будет судить всегда. Если бы она воздерживалась от суда, боясь судить неправильно, то не только нельзя было бы упрекнуть ее в недоразвитости, а наоборот, пришлось бы восторгаться ее мудростью. Народ, который сумел бы воздержаться от осуждения, состоял бы из философов, а не из обыкновенных людей.

Могут сказать, что опубликование документов увеличит процент плохих судей.

Я отвечу на это, что по данному вопросу можно разделять общество на три группы. Первая, наиболее многочисленная, состоит из людей, мало занимающихся политикой и не имеющих времени для чтения и рассуждений. В состав второй группы входят люди, имеющие известного рода суждения, но суждения заимствованные и принятые на веру; они не дают себе труда или же неспособны составить собственного мнения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Требуется четыре условия, чтобы внушить нации постоянное доверие к ее представительному собранию: 1) прямые выборы, 2) сменяемость членов, 3) известные условия для избирателей и избираемых и 4) количество депутатов, пропорциональное территории. В защиту этих положений может быть приведено много доводов. Прямые выборы необходимы по той причине, что при степенных народ, избирая лишь выборщиков, не может в них видеть непосредственных своих представителей. Он не связан с ними ни личной симпатией, ни чувством осуществления своей власти. Лица, избранные таким образом, не чувствуют по отношению к народу, избравшему их, ни благодарности, ни ответственности. Наконец, сближение между высшими и низшими классами при таком порядке отсутствует, вследствие чего политическая связь несовершенна.

2.

Действительно, только интеллектуальный акт может быть тождествен у нескольких лиц и составить принцип единства корпуса. С физическим актом этого быть не может. Последний, как тесно связанный с личностью осуществляющего его, не представляет основания для указанного тождества. Если римский Сенат постановит, что консул Онимий должен казнить Тиберия Гракха, то это решение будет в буквальном смысле действием каждого сенатора, участвовавшего в нем своим голосованием. Если же Онимий в силу упомянутого постановления умертвит Гракха мечом, то этот удар мечом будет действием только одного Онимия. Юристы скажут, что этот акт не менее предыдущего должен быть приписан Сенату: *qui facit per alium, facit per se*. Я не стану здесь распространяться о пользе такого логического построения, а укажу лишь на то, что если ради краткости или большей выразительности этот удар мечом изображается в качестве действия самого Сената, то это может быть понято только как образное выражение.